

Человек-эпоха

30 сентября исполнилось десять лет со дня кончины Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА, ученого, публициста, общественного деятеля, автора классических работ о древнерусской литературе. Его книги по истории древнерусской литературы были переведены на английский, итальянский, болгарский, польский, сербохорватский, чешский, испанский, японский, немецкий и даже китайский языки. Однако многие его знали не как ученого, а как общественного деятеля, всегда открыто и, что особенно важно, аргументированно высказывавшего свою позицию.

Вскоре после кончины академика Даниила ГРАНИН отметил, что феномен Лихачева будущему времени покажется непонятным. «Жил-был ученый, большой ученый, занимающийся древнерусской литературой, в сущности кабинетной, книжной наукой. Каким образом он стал выразителем общественной совести в этой взбалмошной огромной стране в эти смутные годы? Почему с ним считаются и народ, и власти? Почитают достойнейшим представителем русской интеллигенции? Почему, наконец, все разъедающее время не смогло сокрушить его, почему он устоял, несмотря на все невзгоды, потери, преследования?»

Гранин дает свой ответ на эти непростые вопросы. «Во-первых, его сформировала семья потомственных русских интеллигентов, во-вторых, школа. Школа была особенной, в ней поощряли собственное мировоззрение, учили перечить, требовали самостоятельного мышления. Так воспитывали духовное бесстрашие. И было третье — ссылка. После университета его арестовали за участие в студенческом кружке, и он четыре с половиной года провел на Соловках. Он рассказывал, какая интересная публика была на Соловках. Но и там он исхитрился заниматься археологией, изучать искусство реставрации, занимался биографией беспризорников. Они признавались: «Мы тебе вьем». А ему интересно было, как они врут, какова философия самооправдания. Впоследствии Лихачев написал работы о воровской речи, об обычаях воровской игры в карты. Он умел использовать любые свои несчастья. Сам он определил это свойство термин «резистентность» — сопротивляемость».

Действительно, в его биографии есть моменты, которые можно назвать уникальными примерами сопротивляемости. Например, защита кандидатской диссертации в блокадном Ленинграде или написание в это же время в холодном, умирающем городе совместно с М.А. Тихановой книги «Оборона древнерусских городов» (Дмитрий Сергеевич с семьей эвакуировался из блокадного Ленинграда только летом 1942 года).

В силу этой сопротивляемости не раз могли убедиться власти Ленинграда. В 60-е годы двадцатого века возникла идея перестройки Невского проспекта. В соответствии с грандиозными, или, как принято сегодня говорить, амбициозными проектами предполагалось, что будут фактически перестроены все первые этажи зданий на Невском. Тогда выступление Лихачева на специально собранном для обсуждения проекта архитектурном совете сыграло решающую роль, и Невский не был искоренен.

Потом он не раз вмешивался в различные аналогичные проекты, убеждая чиновников, архитекторов, строителей, что к Петербургу нужно относиться бережно, что наш город уникален. И, что самое невероятное, его слушали и его слышали.

«Лихачеву обязан не только Невский проспект. Ему мы обязаны тем, что сохранился Земляной вал вокруг Новгорода. Ему обязаны многие храмы и церкви, которые он спас от разрушения», — отмечал Даниил Гранин.

15 лет назад, в 94-м, мне посчастливилось

встретиться с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Я позвонила ему и попросила дать интервью для одной из городских газет. Удивительно, но он согласился сразу. Возможно, потому что говорили мы тогда об очень злободневных вопросах — застройке Петербурга, важности сохранения его исторического облика. Перечитав этот материал несколько дней назад, изумилась, что практически все, что говорил Дмитрий Сергеевич 15 лет назад, остается актуальным и сегодня. И в каждом слове — любовь и уважение к родному для него городу. Глубокое понимание его неповторимости, важности ценностных ориентиров в жизни любого общества.

«Мне уже приходилось писать о гениальности Петра как градостроителя. Не архитектора, а именно градостроителя. Уже самый выбор Петром места для новой столицы громадного государства был поразителен — на самой государственной границе. Петр вообще любил пограничье во всех масштабах и, в частности, пограничную линию земли и воды в Неве. До Петра все города и крепости по Неве и русские, и шведы строили там, где был наиболее удобен перевоз... Петр же стал строить город, рассеченный множеством рек и речек... Почему он это делал? Потому что он строил гавань, где могли разместиться пристани, склады и набережные нового для Европы типа — все берега были открыты для про-

«Я привык, что есть человек, по которому можно сверять свои поступки. Его присутствие мешало идти на сделки со своими слабостями. Он защищал нас от того злого, мстительного, циничного, что ежедневно порождало наше время. Явление Лихачева было необычным, и, как водится, мы не смогли должным образом оценить его. Только теперь начинаешь видеть величину потери».

Даниил Гранин

ездов, по всем берегам были улицы и дороги, набережные, проезды. Ни Лондон по Темзе, ни Париж по Сене, ни Рим по Тибру, ни Венеция с ее каналами не имели, а частично и сейчас не имеют таких роскошных набережных проездов, как Петербург... И в связи с этим в Петербурге преобладают горизонтальные линии. Линия соединения воды и земли первая и наиболее правильная. Затем над ней — верхние линии набережных — всюду на одной высоте, и над ними линия крыш домов, за высотой которой специально наблюдала «Комиссия от строений» и ее преемницы... Например, выше Зимнего дворца строить запрещалось. Этим было выдержано единообразие города. Каждая вертикаль была как бы перпендикуляром, подчеркивающим горизонталь города... Все горизонтальности осмысленны, все шпили отмечают только самое важное», — так говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев 15 лет назад. Он считал, что наш город достоин не худшей судьбы, чем столицы Европы.

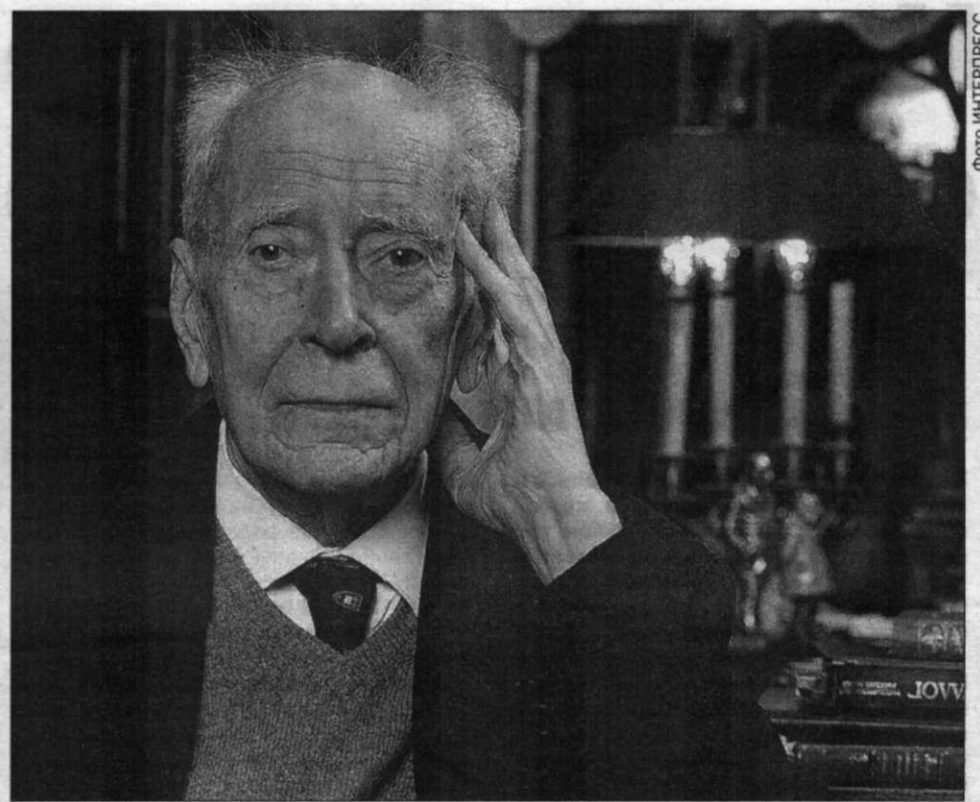

Фото: ИНТЕРПРЕСС

Главным поводом для нашей встречи было строительство 130-метровой башни «Петр Великий». Позиция Дмитрия Сергеевича была однозначной — строить такую высотку нельзя. Для тех, кто уже забыл об этом грандиозном проекте, напомним, что планирова-

коммунизма среди обнищавшего народа и разваливающегося города. Второе. В «Петре» явно просматривается попытка придать этой «стройке коммунизма» «человеческое лицо»: снабдить его разными развлекательными украшениями, такими, как купол, шпиль, и в какой-то мере прославить себя, заслонить своим творением великий город... пока еще наша коммерческая эпоха не создала своего стиля. Наша эпоха пуста, пуст и этот будущий гигант...»

Как говорится, цитаты не требуют комментариев и пояснений. Разве что стоит добавить — тогда строительство башни высотой «всего-то» 130 метров все же не состоялось. И немалая заслуга здесь Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Бесспорно, Дмитрий Сергеевич Лихачев был выдающимся ученым. Но не менее важно, что он был, как говорят сегодня, человеком с активной гражданской позицией. Ну а я бы сказала — он был неравнодушным человеком. И это неравнодушие, неравнодушие к прошлому, настоящему и будущему, — черта, отличающая таких уникальных людей как в советские годы, так и сегодня. Возможно, именно поэтому широкая аудитория, как справедливо отметил Даниил Гранин, «воспринимала не его научные труды, не научный, а моральный авторитет. Это очень любопытная ситуация, когда ученый становится совестью, лидером общественности, интеллигенции, а может быть, в какой-то мере — и нации. Независимо от своих научных работ... Необходим человек, которому можно верить. Лихачеву верили. Как чувствуется фальшь, так чувствуется и правда, люди понимали, что нет никакого разрыва между тем, о чем он говорит, чему он верит, и тем, что он делает».

Алиса ЛИСИЦЫНА

лось строительство башни на Васильевском острове. «Эстетические соображения для города, который называют самым красивым, правда, и самым запущенным в мире, не так уж незначительны. Они очень важны, так как Петербург мог бы стать крупнейшим центром туристической индустрии, привлечь очень большие средства. И вложения в этой сфере были бы очень надежны, тогда как еще неизвестно, принесут ли доход высотные дома для офисов. В Лондоне, например, в них не очень охотно въезжают. Небоскребы стояли там, как известно, только частично наполненные, и в них самовольно селились бездомные...» — цитата из интервью 15-летней давности, которая, увы, не потеряла своей актуальности.

А вот еще цитаты: «Петербург представляет собой законченное художественное целое. Он не должен быть скопищем шедевров архитектуры. Он принадлежит в основном своей эпохе — восемнадцатому и началу девятнадцатого веков. Во второй половине XIX века господствовала эклектика — самый мирный и уживчивый стиль, не портивший основной части города...»

«Естественно, что у меня на произведение искусства и архитектуры взгляд специалиста по истории культуры. Поэтому я не могу оторвать свое восприятие того или иного памятника от создавшей его эпохи. Так — как памятник своей эпохи — будет восприниматься и «Петр Великий» в будущем. Что я в нем вижу? Прежде всего, не изжившую себя типичную для эпохи диктатуры гигантоманию. Мне видятся в нем «великие» стройки

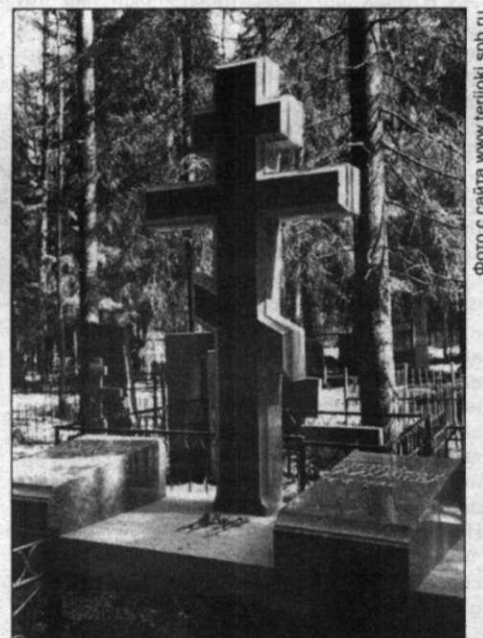

Фото с сайта www.terijoki.spb.ru

30 сентября коллеги, друзья и близкие ученого побывали на службе в Князь-Владимирском соборе, где отпевали Дмитрия Сергеевича, а также возложили цветы на кладбище в поселке Комарово. В церемонии приняли участие слависты из России и Европы, которые посвятили памятной дате проходящую в Северной столице конференцию «Послания кириллицы». Лихачеву посвящена и выставка, на которой тридцать художников из Пловдива представляют свою живописную трактовку 30 букв кириллицы — азбуку святых Мефодия и Кирилла. Ее укреплению в славянском и общеевропейском культурном пространстве много сил отдал академик.